

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-635

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.33

Код ВАК 10.02.01; 10.02.29

В. Н. Базылев **V. N. Bazylev**
Москва, Россия Moscow, Russia

ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА: «В СЛОВЕ РУССКОМ БОГ»

Аннотация. Излагаются результаты исследований этногенетического нарратива, проводимых в рамках проекта «Сублогический анализ языка» и положенных в основу нового филологического направления — криптофилологии.

Ключевые слова: криптофилология; этногенетический нарратив; феноменология; эйдетика; герменевтика.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва).

Контактная информация: 117485, г. Москва, ул. Ак. Волгина, 6, к. 235.
e-mail: vladimir@4unet.ru.

POLITICS & LINGUISTICS:

«THE WORD OF RUSSIAN IS WITH GOD»

Abstract. The article presents the results of research of ethnogenetic narrative conducted within the project “Sublogical analysis of the language,” and laid the basis for a new direction of philology — kryptophilology.

Key words: kryptophilology; ethnogenetic narrative; phenomenology; eidetic; hermeneutics.

About the author: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Department of General Linguistics & Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

ПОСТМОДЕРНИСТ. А разве ваше патриотическое чувство не согревается тем, что Россия — это не молодая нация, не какой-нибудь подросток среди взрослых, а совершеннейший ровесник всем остальным историческим нациям и культурам? Это же прямо-таки прорывная идея в создании русского национально-патриотического мифа.

[Соколов 2003: 107]

Настоящая статья завершает своеобразный триптих, первые две части которого были опубликованы в журнале «Политическая лингвистика» за 2009 и 2010 гг. Они явились определенным промежуточным итогом одного из направлений исследований группы «Сублогический анализ языка» [Базылев 2013: 121—125]. В статьях была обоснована новая предметная область современной отечественной филологии [Базылев 2009; Базылев 2010б]. Первоначально она была названа «криптолингвистикой» [Базылев 2010в]. Однако по прошествии времени выяснилось, что предложенный термин оказался не вполне удачным и нуждается в корректировке [Полиниченко 2010: 196]. За термином, в свою очередь, «тянутся» все остальные фрагменты, образующие то, что считается новым исследовательским направлением, — цели, объекты и предметы исследования, его методы и основная проблематика. Задача данной статьи — дать ответ на вопрос, чем должно заниматься новое исследовательское направление в отечественной филологии, установить его границы. Как и во всякой появляющейся на-

учной области, здесь еще много вопросов, которые ждут ответа, но при этом могут быть намечены основные направления исследований.

Начнем с методологических оснований. Сегодня междисциплинарный подход неклассической научной рациональности сменился постнеклассическим этапом. В этой парадигме сформирован триангуляционный метод. Суть его в том, что одна и та же проблема изучается с помощью различных теорий и методик и все результаты считаются относительно истинными. Они дополняют друг друга, признаются не противоречащими друг другу и не совмещаются друг с другом. Эклектика в данном подходе уже не изгоняется из научных работ, как раньше. Предполагается, что исследователь знакомится с результатами анализа различных подходов, изучает их и получает возможность для построения новых гипотез. Эти результаты существуют как дополнительные друг другу [Фурасов 1997; Базылев 2012б]. В нашем случае мы имеем дело с содружеством (триангуляцией) подхода филологического, лингвистического и исторического. Цель в дан-

ном случае, как и в целом в историко-филологических исследованиях, — это воссоздание/реконструкция фрагмента духовной культуры народа через языковой и стилистический анализ письменных/устных текстов за счет создания «служебного» комментария. Это, в свою очередь, служит самопознанию культуры [Ассман 2004; Базылев 2007].

Что касается термина, которым можно было бы поименовать новую область исследований, то за последние годы какие-то варианты были «возрождены», какие-то заимствованы из европейской лингвистики второй половины XX в., а какие-то предложены вновь: архаизирующая филология (В. Базылев; В. Живов; И. Сандомирская), фолк-лингвистика (Д. Полиниченко), наивная лингвистика и любительская лингвистика (А. Зализняк; Н. Голев), профаническая лингвистика (П. Клубков), личная теория языка (В. Кашкин), непрофессиональная лингвистика, фантастическая лингвистика (М. Дебрэнн) и псевдолингвистика (Вяч. Вс. Иванов), лингвофрическое описание языка и криптолингвистика (В. Базылев), тайноведение (А. Югов), националистическая лингвистика (У. Эко), патриотическое языкознание (К. Богданов), этническая (этнокультурная) имагология (А. Мыльников) и некоторые другие (недавно в Интернете мы наткнулись на термин «бытовая криптолингвистика» [Russky_Udod 2006]). К сожалению, используемые термины не отвечают основным критериям, которым должны соответствовать: системности, дефинитности, моносемантической, дезэкспрессивности и стилистической нейтральности [Никитина 2010]. Они или характеризуются асистемностью (*любительская лингвистика*), или являются межотраслевыми омонимами (*этническая имагология*); кроме того, они экспрессивно окрашены и соответственно стилистически не нейтральны (*профаническая лингвистика, непрофессиональная лингвистика, националистическая лингвистика*). Эти замечания справедливы и в отношении предложенного нами ранее термина «криптолингвистика», уже используемого в криптологии и криптографии, т. е. являющегося межотраслевым. В связи с этим мы хотели бы предложить — в качестве материала для дискуссии — термин «криптофилология». Термин с позиций современного отечественного терминоведения системен в отношении историко-филологического направления (т. е. принадлежит специальной области знания), заведомо не носит межотраслевого характера (на сегодняшний день мы не смогли найти примеры его использования), контекстуально устой-

чив, конвенционален, имеет номинативную форму (т. е. является именем существительным), не экспрессивен и стилистически нейтрален, дефинитивен [Гринев-Гриневич 2008: 95]. Предлагается следующая дефиниция термина: криптофилология — направление исследований, занимающееся сборанием, описанием, анализом и интерпретацией этногенетических нарративов, созданных в рамках духовно-практического знания. Духовно-практическое знание понимается в данном случае по И. Т. Касавину, как «возникающее из непознавательного контекста знание об общении, бытовое, культово-регулятивное и художественное» [Касавин 1998: 47].

Предпосылки криптофилологии, вызвавшие появление этого нового исследовательского направления, сложились в конце XX в. К ним можно отнести следующее: возврат к пониманию языка как способа формирования национального самосознания [Развитие этнического самосознания... 1982; У истоков... 1987; Развитие этнического самосознания... 1989; Зверева 1996; Зачевский 2002]; рост интереса в общественном (массовом) сознании к вопросам этнической самоидентификации, а также к вопросам собственной этнической истории, реконструкции происхождения и места в мире (среди иных народов) [Никитина 1989; Обыденное... 2012; Полиниченко 2013]; накопление текстологических данных об этногенетических нарративах в таких областях, как история, этнография и художественная литература [Мыльников 1996; Барг 1987; Козлов 1996; Козлов 2001]; разработка методики исследования этногенетических нарративов, возникновение необходимости в разработке собственно филологического подхода и критике этногенетических нарративов [Зализняк 2010]. Основная задача, которая стоит перед этим новым направлением отечественных исследований, — текстологическая интерпретация этногенетических нарративов с позиций междисциплинарного подхода: собственно филологического и лингвистического, а также психолингвистического и социолингвистического, с позиций политической лингвистики и когнитивной лингвистики. Основная цель — это модель функционирования этногенетических нарративов, содержанием которых является венауное знание о национальном (этническом) самознании и само-осо-знании; моделирование процесса политизации этногенетических нарративов с такими переменными, как языковая политика и языковая ситуация. Предметом исследования могут считаться антиномия нарратива, его структурная закры-

тость, непроницаемость и семантическая открытость при том, что нарратив направляет развертывание значений, наращивание новых витков смысла через определенное соотношение структурных и смысловых компонентов; единство противоположностей, доводящее до соотношения взаимоисключаемых элементов (структур, значений); семантическая изотопия нарратива, т. е. правила, обеспечивающие «вызовы», «картины», «сцены», «виды» и иные синестемические феномены, в структуре которых наблюдается прегнантность (связность) интенциональных предметов. Методологические основания исследования образуют феноменология и герменевтика. Методами исследования могут считаться интенциональный анализ (из феноменологии) и деконструкция (из герменевтики) [Базылев 2012в]. Их использование возможно и целесообразно, так как в криптофилологических текстах содержится мимесис как воспроизведение не столько действительности, сколько универсальных отношений порядка в мире.

Как считает К. Э. Штайн, точкой отсчета в исследовании является язык, а именно его реальные и потенциальные возможности, связанные с реализацией языка по принципу «чего он хочет» [Штайн 2001: 7]. Это, в свою очередь, связано с языковой относительностью — не только тем, что слово оформляет мысль, но и тем, что оно побуждает сознание двигаться в том или ином направлении в процессе нарративизации, активизирует творческое воображение адресата, побуждая к сотворчеству, что предопределяет корреляцию значений языковых единиц с интенциональными явлениями, а также с такими феноменами сознания, как артефакты, картины, виды, сцены в неязыковых слоях, иначе — эйдетикой. Использование феноменологического метода позволяет увидеть расслоение в системе языка текста (фонетическое, лексическое, морфемное, морфологическое, синтаксическое) и зафиксировать те эйдетические структуры, которые лежат в основе упорядочения смысла криптофилологического текста.

Обсуждению отдельных фрагментов нового исследовательского направления, которое предлагается именовать криптофилологией, уже посвящен ряд, пока не многочисленный, публикаций. В частях нашего «триптиха», в нашей книге «Криптолингвистика» и некоторых статьях речь шла последовательно о филологическом и лингвистическом фрагментах [Базылев 2012а] предлагаемой научной области. В настоящей части представляется логичным затронуть исторический фрагмент, а именно функционирование

этногенетических нарративов, содержанием которых является вненаучное знание о национальном (этническом) само-со-знании и само-осо-знании в истории с учетом двух переменных — языковой ситуации и языковой политики. Прежде чем приступить к обсуждению материала, остановимся на двух немаловажных, с нашей точки зрения, аспектах создания и функционирования этногенетических стереотипов в лингвокультуре.

Во-первых, нам представляется некорректным рассматривать данную проблему с позиций «высокой» науки, которая настаивает на том (например, в лице А. А. Зализняка), что создание криптофилологических текстов — это удел непрофессионалов, любителей и дилетантов [Якубовский 1997: 219]. Или же с позиций «угрозы», которую несет обществу антиобъективизм криптофилологических текстов [Алпатов 2012: 7]. Подобный подход отражает, по словам В. Е. Чернявской, «нетолерантность в научном дискурсе» [Чернявская 2012: 62]. Противостояние научного и ненаучного знания о языке имеет в России глубокие корни: еще в 1847 г. в Полтаве вышла в свет книга П. Лукашевича «Чаромутие, или Священный язык магов, волхвов и жрецов», а в 1897 г. в Москве — книга Д. П. Мартынова с «говорящим» заголовком «Раскрытие тайны языка человеческого и обличение несостоятельности ученого языкознания». В первой четверти XX в. в оппозиции к «высокой научной лингвистической мысли» оказались в одном ряду, например, Н. Марр (со своей троичной семантикой) и А. Белый (с интересом к глоссолалии), П. Флоренский и Д. Хармс (с пародией на академическую филологию) [Ямпольский 1998]. Скорее всего, мы подошли в начале XXI в. к обоснованному скептицизму, о котором Г. П. Бейкер и П. М. С. Хакер напишут следующее: «Как скептицизм относительно правила, так и точки зрения сообщества утверждают, что есть нечто ошибочное в понятиях. Но если скептицизм относительно правила, не украшенный скептическим решением, не проблематичен, но абсурден, то есть более прямой ответ, а именно — поставить под сомнение то, как анализируются правила языка, которые существенны для этой абсурдности. Скептицизм в отношении правила не пилит сук, на котором сидит каждый, применяя наши обычные понятия; скорее, он пилит сук, на котором сидят философы и теоретические лингвисты, когда они анализируют понимание языка с точки зрения имплицитного знания сложной системы семантических правил. Теории значения — это мертвые ветви на Древе познания» [Бейкер 2008: 8]. К созданию крип-

тофилологических текстов причастны в первую очередь личности, в той или иной мере профессионально связанные с языком [Что думают... 2004; Градовский 2009] — писатели, историки, гуманитарии: «бесчисленное число писателей XX века, от Мережковского и Белого до Моравиа и Бютора, так или иначе оказываются в „неомифологических“ шеренгах» [Ерофеев 2006: 525]. Примером могут служить наши современники М. Задорнов и Б. Акунин, В. Мединский, В. Новиков и В. Колесов, А. Югов и S. Jovanović [Акунин 2013; Jovanović 2012; Мединский 2010; Новиков 2001; Колесов 1999; Югов 1972]. И это оправдано, по словам В. Новикова, тем, что «двадцатый век ознаменовался колоссальным преувеличением реальной роли языка. Щедрую дань лингвистическому фетишизму отдали и художники, и журналисты, и политики. Любой малоначитанный полуинтеллигент может сейчас тебе вдохновенно процитировать, что слово — это Бог, что солнце останавливали словом да еще, дескать, словом разрушали города. Но солнце пока вроде на месте, а города и до и после Гумилева разрушали и разрушают экстралингвистическими средствами. Давайте без гипербола порассуждаем. Любить язык для человека так же естественно, как любить самого себя, свою мать и свою родину. Но, когда эти природные чувства выходят за нормальные пределы, они оборачиваются соответственно эгоизмом, инцестом и национализмом. А экстатически-языческое идолопоклонство перед языком ведет к словесному бессилию, тавтологичности, когда что-то наговорено, но в итоге ничего не сказано. Любопытно, что тавтологическая речь на холостом ходу наиболее свойственна представителям таких отдаленных друг от друга сфер, как политика и поэзия» [Новиков 2001: 186]. Ему вторит филолог В. В. Колесов: «Напомним, как тяжело и трудно развивалась в России русская концепция языка и слова... „Национальное“ всегда было чуждо схоластике... Сегодня же „национальное“ оказывается впряженным в политическую телегу современной науки... Насильственное смещение и вытеснение национального аспекта в лингвистическом исследовании — наибольший вред, нанесенный языкознанию в России...» [Колесов 1997: 297]. Приведем в качестве примера также поэтический текст: «Историки, не надо „липы“. // Отчества мне сладок дым. // Древнее пирамид Египта // Славянский город Аркаим... // В их заповедном междуречье // Шестнадцать тысяч лет назад // Рождался вместе с русской речью // Земного шара стольный град... // Прости, Кирилл, прости, Мефодий, // Но наша пись-

менность древней... // И знайте, люди-человеки, // Что с легкой нашенской руки // Пошли и майя, и ацтеки, // По сути — наши мужики... // Хоть так, хоть эдак повернуть. // Что нет и не было Америк, // А был и есть — славянский путь. // Что всех земных цивилизаций // Одна, славянская, древней. // Я не к тому, чтобы зазнаться. // А я к тому, что нам видней» [Корнилов 2000]. Если мы заглянем в прошлое, то среди личностей, создававших криптофилологические тексты, обнаружим имена А. Шишкова и В. Тредиаковского, М. Ломоносова и М. Попова [Живов 1996; Сандомирская 2001]. Мы не случайно вспомнили именно о Михайле Ивановиче Попове (1742—1790) — поэте и драматурге, авторе волшебного-исторического романа «Славенские древности, или Приключения славенских князей» (1770—1771). Он был одним из создателей фантастической русской мифологии, широко использованной в литературе второй половины XVIII — начала XIX в.

Во-вторых, заявленная нами в дефиниции венаучность криптофилологических текстов не должна восприниматься как повод для их ненаучного восприятия, анализа и интерпретации, для того, что В. Ерофеев определил как «китч-анализ китч-текста» [Ерофеев 2006: 523]. Как считает Я. Ассман, в этом случае важно понять, что «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [Ассман 2004: 81]. Это связано, с одной стороны, с социальными рамками памяти, с другой же — с национальным логосом [Хальбвакс 2007; Добродомов 2002; Гачев 2003]. Это своеобразная историософия, т. е. история, происходящая там и тогда, где и когда, по словам К. М. Кантора, «стремление индивида к свободному самосуществлению влияет на формирование социальной необходимости» [Кантор 1992: 3]. Дело, по всей видимости, в том, что общество извлекает из обращения к прошлому сегодняшнее представление о себе, а также точки опоры для своих надежд и целей. Нарративное обращение к прошлому призвано пролить оттуда свет на настоящее и будущее. Такое обращение к прошлому обычно исполняет сразу две, на первый взгляд противоположные функции. Одну функцию Я. Ассман предлагает назвать обосновывающей: она показывает явление настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, данными от Бога, необходимыми и неизменными. Другую функцию — контрпрезентной: она связана с ощущением недостатков настоящего и закликает в воспоминании прошлое, которое обычно приобретает черты героической эпохи. Эти рассказы бросают на настоящее совсем другой

свет: он выявляет недостающее, исчезнувшее, утраченное, вытесненное и показывает пропасть между «некогда» и «сейчас». Здесь настоящее не столько обосновывается, сколько, наоборот, сотрясается в своих основах, или, по крайней мере, релятивируется в сравнении с прошлым, обладавшим большим величием и красотой [Ассман 2004: 84—85].

Из новейших публикаций обратимся за примером к книге А. А. Арцруни «И был один язык», вышедшей в 2012 г. Автор задается вопросом: гегемонию какого «единого языка» прекратил Бог, рассердившийся на строительство Вавилонского столпа? Ответ — армянского: *Армения — колыбель рождения и место послепотопного возрождения рода людского... Шумерское имя Вавилона — Кадингирр — достаточно легко выводится из армянских корней — КА+дун+һерр = есть + дом + отца, или попросту — Дом Бога* [Арцруни 2010: 7—8]. По мнению автора, тот факт, что армянский язык родственен всем весте и никому в отдельности (напомним, в индоевропейской генеалогической классификации языков армянский язык составляет особую группу. — В. Б.), является абсолютной характеристикой предка, прародителя [Там же: 17]. Автор, например, подбирает аргументы в обоснование армянского истока великого переселения народов и происхождения кельтов и скандинавов: *Троя ассоциируется с асгардом — городом богов, главный из которых носит имя Ас... А теперь привлечем армянскую лингвистику. Бог по-армянски — Аствац, где Ас — звезда + твац — данный* [Там же: 244]. При этом автор делает акцент на сопоставлении армянского языка и языка русского как основном доказательном приеме: *Знак одобрения мимически может быть выражен одобрительной улыбкой фонетически близкой к звуковым формам — ха, хи, хе (вспомним — хиханьки да хаханьки), что явно близко к армянской форме согласия һа. А армянское айо есть прямой прародитель телефонного алло со смыслом 'да'. Еще более богатую жатву приносит анализ русского языка на наличие армянского отрицания че. Здесь мы находим весьма обширный ряд: черный, вечер, чреда, чума, мачеха, чертеж, цифра, чеснок...* [Там же: 27—28]. А. А. Арцруни, обращаясь к роли армянского языка как «прародителя» плодородства, метрологии и антропометрии, математики и металлургии, переходит к истокам воинского искусства, вводя в книгу главу под названием «Получи, лингвист, гранату»: *Как мы видели на примере кумулятивной гранаты, ее основной, боевой эффект со-*

стоит вовсе не в осколочном действии, а в действии взрывном, огневом. Нам видится здесь армянский корень — һур — огонь, взрыв. Здесь весьма интересно армянское название ружья, винтовки — һрацан и орудия — һранат (т. е., по сути, наша искомая граната). Очень интересны в этом ряду русские слова — гроза, гром, грохот и армянские слова һратакел — издавать, һрашк — чудо. Особого внимания в этом ряду заслуживает русское слово — гротеск. На наш взгляд, перед нами абсолютно армянское слово, состоящее из двух корней знакомого нам һро и теск — вид (АРМ.), т. е. гротеск — высвеченный, преувеличенный вид [Там же: 155]. Подобное криптофилологическое изыскание имеет определенную практически-духовную и политическую цель: *...разрешить недоумение в связи с возможной идентификацией с нынешним пониманием слова „русский“ как национальной принадлежности к славянским племенам... Нам представляется эта задача вполне разрешимой опять-таки с привлечением армянской лексики. В данном случае корень рус, рос есть ничто иное, как трансформация армянского джрос, джрус — прибрежный, приводный, приморский и является общей характеристикой причерноморских народов. Подобное прочтение дает основание для деления понятий русский и славянский и исключения в слове „русский“ этнического, славянской принадлежности и придания слову „русский“ его исконного географического (приморского), а не этнического значения* [Там же: 196].

Но что же представляют собой те функции, которые выделяет Я. Ассман — «обосновывающая» и «контрпрезентная», — с точки зрения предлагаемого нами многомерного анализа — триангуляционного подхода, в котором учитываются как минимум две переменные — языковая ситуация и языковая политика? С нашей точки зрения, следует говорить о детерминирующих функциях порождения этногенетических нарративов при возникновении той или иной степени «свободы слова» в лингвокультуре, т. е. степени возможности создания нарратива с точки зрения наличия исходного (автохтонного или заимствованного) текстового материала (наличия его в семиосфере — по Ю. Лотману), а также наличия соответствующих техник (бриколажа — по К. Леви-Строссу) и степени разрешенности данных нарративов в лингвокультуре как овнешнителей лингвокультурной реакции на языковую политику и языковую ситуацию. Ведь именно в российской истории, по словам Н. Г. Брагиной, «относительно одних и тех же

символов периоды социальной памяти чередуются с периодами социальной амнезии, часто создаваемой искусственно» [Брагина 2007: 232].

Обратимся к конкретному материалу. А. Д. Васильев так характеризовал языковую ситуацию 90-х гг. XX в., теперь уже ставших историей: 1) укрепление и совершенствование официозного российского постновояза; 2) американизация; 3) вульгаризация [Васильев 2008: 6]. Социолингвистический взгляд был лишь подтверждением того, о чем чуть раньше начали говорить сами лингвисты. Ю. Н. Караулов, будучи еще директором Института русского языка им. В. В. Виноградова АН СССР, в 1999 г. выпустил книгу по изучению русской языковой личности, но не просто русской, а великорусской. Третий параграф главы V его книги «Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть» так и будет назван: «О национальной памяти великороссов». Со ссылкой на французских семиологов (на Пьера Нора, в том числе) Ю. Н. Караулов напишет: «Национально-культурная память представляет собой основную составляющую в содержании национального самосознания. Это кладезь сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: что мы есть, откуда мы и куда идем; чем гордимся в своем прошлом и настоящем, а чего стыдимся; почему это так, а не иначе; и даже — зачем все это. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире» [Караулов 1999: 145—146]. Дело в том, что именно французские семиологии во второй половине XX в. начали говорить о ситуации быстрого исчезновения национальной (для них — французской, для нас — русской) памяти [Les lieux de mémoire... 1986: 19]. Неверным на этом фоне кажется утверждение, что в криптофилологических текстах мы сталкиваемся со спонтанными представлениями о языке и речевой деятельности, сложившимися в обыденном сознании человека. Как раз наоборот: следует говорить, что это результат рефлексии, оформленный в нарративе как духовно-практическое знание, за которое автор несет ответственность перед обществом [Автономова 2004; Шайкенова 2009]. Вот лишь один пример из многих — из книги В. Рака «История забытых цивилизаций. Фантазии на тему родной речи»: *Приступив к ознакомлению с предлагаемой работой, читатель обязательно начнет задаваться вопросом, откуда автор может*

знать, что слова образовались именно так, а не иначе. Поясняю — меня посетила идея. <...> Эта идея не отпускала меня лет двадцать. В продолжение этого времени идея стала преобразовываться в моем сознании в понимание существа дела. Потом она стала превращаться в определенные знания и начала обрастать подробностями. <...> Укоренилось мнение, что славяне получили письменность всего тысячу лет назад. В связи с этим возникают два главных вопроса. Первый вопрос касается славянина Александра Македонского: он что, был неграмотным, хотя его обучал сам Аристотель? Македония всегда была и остается славянским государством. Александр Македонский унаследовал царство от своего отца Филиппа Македонского. Именно из Македонии Александр во главе лиги эллинских государств двинул свои войска завоевывать мир. Где же проходила грань обретения грамотности славянами? Разве для Македонии тоже надо было создавать азбуку для того, чтобы А. Македонского мог воспитывать грек Аристотель? Нужно заметить, что Аристотель был выпитан в Македонию из Афин, а следовательно, он не был земляком македонского царя. На каком же языке он обучал будущего властителя мира? Вопросы не риторические, поскольку в те времена ни слова „греция“, ни самого государства Греция еще не существовало. Были города и союзы эллинского мира. В современном государстве Македонии Александра почитают национальным героем, так же как русские почитают Александра Невского. Видимо, много горя доставил своим врагам этот „Ярь Македонь“, коль остался в памяти народов словом „Армагеддон“. Не только на Руси были в те времена „Ярь-Турь Всеволоти“, но и в Англии были свои короли „Яр-тхры“. Только много позже, когда звезда Александра погасла, английский „Яр-тур“ стал королем по имени Артур.

Открываем этимологический словарь русского языка Фасмера и на 51 странице в разделе сокращений смотрим главу „Языки и диалекты“. В ней на 52 странице читаем принятые сокращения: Макед. — древнемакедонский, Макед.-болг. — македонско-болгарский (славянский язык). Теперь нам понятно, что македоно-болгарский язык — это мостик, соединяющий эллинов и славян.

Второй вопрос — об алфавитах немцев, англичан и других народов Европы. Для них ведь тоже никто не создавал азбуки: они сами приспособили латиницу к своей национальной речи. Только в отличие от славян, европейские народы не имели бере-

стяжных грамот, написанных теми самыми буквами, которыми писали древние финикийцы, этруски и вся Эллада.

<...> Весь мир знает слова „мотор“, „экскаватор“, „сепаратор“, „сенатор“, а ведь эти слова созданы на основе понятий германского божественного „молотора“. В русской речи с древних времен сохранилось слово „полтора“. Это слово имеет совершенно определенное значение — „один с половиной“, но если в него внимательно вслушаться, то его значение выглядит довольно странно. С одной стороны, оно обозначает половину чего-либо, но, с другой стороны, оно содержит понятие „половина тора“ и номинал один с половиной. <...> Но все эти слова объединены смысловым понятием бурятского слова „балта — молот“ и русского слова „болтать“, в смысле раскачиваемого языка колокола, который изначально был „балта“, а позднее — „болта“ и „балда“. В этих словах мы видим, как постепенно в речи звук „я“ заменился на более поздний звук „о“. Слово „паль-тор“ мы можем узнать в современных фамилиях „Балтерманц и Балдерис“. Справедливости ради нужно добавить, что слово „полтора“ есть в лексиконе не только у русских. Когда-то в седой старине у поляков была денежная единица, называвшаяся „полторак“ [Рак 2010: 14].

Наверное, не должно быть ничего удивительного именно в такой реакции на языковую политику государства и на сложившуюся в итоге языковую ситуацию. Именно так происходит, т. е. таковы функции переменных, потому что, по мнению В. М. Алпатова, мы «постоянно сталкиваемся с непоследовательностью языковой политики». Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин назовут это «двумя традициями в области языковой политики» [Вахтин, Головкин 2004]. Д. Б. Гудков и Е. Ю. Скороходова будут говорить о «размытости и эклектичности национального лингвокультурного мифа примордиализма о русском языке» [Гудков, Скороходова 2010: 193, 200]. В любом случае эта «непоследовательность языковой политики», или «две традиции в области языковой политики», или «размытость и эклектизм» — своеобразный лейтмотив в истории государства. Именно в 1980—1990-х гг., когда усилилось и вылилось наружу разочарование прежней идеологией, образовавшийся вакуум сразу же заполнился разными национальными идеями, нередко с националистическими оттенками. Среди этих идей в качестве приоритетной сформировалась идея идентичности [Язык в контексте... 1994; Языковые проблемы... 1994; Решение... 2003; Решение... 2010]. А ведь

самоидентификация в лингвистическом смысле — это вербальное действие, в котором говорящий прямо или косвенно причисляет себя к какой-либо национальной группе/категории людей. Вербальное действие самоидентификации отражает идентичность и ценности говорящего субъекта как носителя определенной культуры. Идентичность является центром «я»-концепции, определяющей речевые стратегии и тактики языковой личности [Гришаева 2007; Лаппо 2010]. В. М. Алпатов так напишет о сложившейся ситуации: «С 1987 г. началось открытое ее обсуждение. Одна из наиболее активных дискуссий развернулась в 1988—1989 гг. на страницах журнала „Дружба народов“. Ее участниками стали представители разных национальностей. При различии точек зрения все сходились в одном: русификация в СССР зашла слишком далеко, главная проблема — расширение функций языков народов СССР, отличных от русского. Противоположная точка зрения, согласно которой внимание в основном надо обращать на развитие русского языка, отвергалась изначально, а малейший намек на нее, усматривавшийся в изданиях вроде журнала „Молодая гвардия“, с возмущением отвергался всеми. Безусловно, точка зрения авторов „Дружбы народов“ отражала преобладающие общественные настроения тех лет, ставшие реакцией на многолетнюю государственную политику двуязычия, а иногда и ассимиляции. Здесь пока сходились национальная интеллигенция всех республик и деятели формировавшегося радикал-демократического движения России. Несмотря на это, в 1990—1991 гг. власть по-прежнему не имела четкой языковой политики, пассивно реагируя на акции „национал-сепаратистов“. Так называемая демократическая оппозиция в Москве и русскоязычных регионах не обращала внимания на языковые проблемы, характерно их малое упоминание в публицистике тех лет. В республиках же ситуация менялась, где быстрее, где медленнее. Но события августа и декабря 1991 г. поставили национально-языковые проблемы совсем по-иному: решающую роль сыграли два фактора — субъективный и объективный. Субъективный фактор проявился в столкновении разнонаправленных интересов национальных элит, часто далеких от реальности, и сопротивляющегося новой „коренизации“, чаще пассивно, русского населения. Центр при этом снова не имел четкой политики. Впервые со времен Наркомнаца было организовано специальное Министерство по делам национальностей, но министры там быстро менялись, а до

сколько-нибудь серьезной постановки вопроса по языковой политике руки не дошли. Что же касается объективного фактора, то быстро произошли изменения в пользу большего удовлетворения потребности идентичности. Ряд языков получил шанс подняться с уровня бытового общения на уровень регионального языка» [Алпатов 2000: 135—137, 144—145, 164—165; Максудов 2010]. Ответная реакция «снизу», подхваченная и активно тиражируемая СМИ, не заставила себя ждать: *Так что я могу с полным основанием утверждать, что за много тысяч лет до Кирилла и Мефодия наши предки писали так, как мы пишем с вами. Так что существование русского языка (его можно называть как угодно: древнейший русский, палеорусский, общеславянский, индоевропейский) в самые древние времена — конкретно: не менее двухсот тысяч лет назад — составило сущность моего открытия* [Чудинов 2008: 20]. Так, вместо «неопределенной языковой ситуации» совершается концепционный прорыв: общество становится осведомленным о своих первоосновах, получает конкретную панораму мира; растерянность и неосведомленность сменяются конкретной этноязыковой картиной мира:

Расцвет Трои начался с заселения холма Гиссарлык пеласгами-русичами с целью создания базы для своего продвижения в Средиземноморье на рубеже 2-го тысячелетия до н.э. [Демин 1998: 84].

Что же представляет собой этот загадочный „афар“, из которого был слеплен Адам? Известно, что на иврит оказали сильнейшее влияние ханаанский, арамейский, финикийский и греческий языки, которые, в свою очередь, тоже не являются первоязыками. В основе всей древней системы передачи и получения информации ДОС их пор лежит могучий Русский язык. Случилось так, что в западной языковой ветви у некоторых старых Русских слов была потеряна первая буква „В“. Поэтому Славянин Венея (потомок венодов) стал греческим Энеем, Арийские Веды превратились в скандинавские Эдды, а обычный Ветер стал Этером или Эфиром. Наверное, первое разумное существо на планете было создано из какой-то неведомой нам материи — лучезарного эфира, например, но, отнюдь, не их праха [Климович 2008: 8—9].

Не следует, однако, считать, что подобная ситуация сложилась только и исключительно к 80-м гг. XX в. И Н. С. Хрущев, и Л. И. Брежнев, исходившие из тезиса о стирании всяческих различий между советскими людьми на пути к коммунизму, были после-

довательнейшими русификатором из высших советских руководителей. В противовес этому набирал силу ряд языков, наделенных определенными правами (особенно это относилось к языкам союзных республик). С 1950-х гг. в сознании советского человека формировался «комплекс неполноценности» по отношению к Западу, усилившийся в 1970—1980-х гг. Этот комплекс делал более престижными, чем русский, западные языки, в первую очередь английский [Вайль, Генис 1998: 56—58]. То есть языковые противоречия в СССР 60—70-х гг. далеко не всегда можно было охарактеризовать схемой: русский язык — все остальные. Противоречие государственной политики, как считает В. М. Алпатов, было обусловлено стремлением устранить все языки, кроме русского, в сочетании с целью превратить СССР в пятнадцатязычное государство. Непоследовательность здесь была в том, что концепция «второго родного языка» представляла собой не более как компромисс между необходимостью всестороннего удовлетворения потребности взаимопонимания и частичным учетом потребности идентичности, что вызывало ответную реакцию, так как потребность в идентичности удовлетворялась не полностью [Алпатов 2000: 93—97; 103—104].

Здесь нельзя не вспомнить о работах того периода, принадлежащих Алексею Югову (1902—1979), советскому писателю, литературоведу и переводчику [Югов 1972]. В качестве показательного примера обратимся к статье «Родина Ахиллеса», которая была написана в начале 60-х и впервые опубликована в 1962 г. («хрущевская оттепель»), затем без каких-либо изменений вошла в сборник 1972 г. («эпоха брежневского застоя»). Вот завершающий фрагмент статьи: — Ну, хорошо, будем считать доказанным, что Ахиллес — князь Древней Руси, — что же нам-то в этом?! — буквально так сказал мне еще тогда, на докладе, один из приглашенных гостей, типичный представитель „желудочно-полового космополитизма“, по выражению Салтыкова-Щедрина. Ответ па подобный вопрос был дан более ста лет назад Виссарионом Белинским: „Ахилл выше всех других героев целую голову... Ахиллес представляет совокупность субстанциональных сил народа... Это герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитает в прекрасном, богоподобном теле; мужество слилось с красотой в лице его; в движениях его величавость, грация и пластическая живописность; в речах его благородство и энергия. Не диво, что боги и сама судьба

помогают ему; не диво, что одно появление его, безоружного, на валу и троекратный крик обратили в бегство войско троян. Он есть центр всей поэмы: его гнев на Агамемнона и примирение с ним дали ей завязку, начало, середину и конец. Гневный, он сидит в бездействии в своей палатке, играя на златострунной лире, не участвуя в боях; но он ни на минуту не перестает быть героем поэмы, в ней все от него исходит и все к нему возвращается. Но это потому, что он присутствует в поэме не от себя, а от лица народа, как его представитель. О, если бы и Виссариону Григорьевичу дано было знать: представителем какого народа является Ахиллес! И что „Илиада“ без Ахиллеса?! „Илиада“ — это ахиллиада! Так неужели нам и ныне безразлично то обстоятельство, что величайший представитель мировой поэзии на протяжении тысячелетий, „божественный Омир“ русского, тавроскифского князя избрал главенствующим героем древнегреческой поэмы? Но ведь и о народах речь! Мы знаем теперь, что воззрения Ломоносова, его гневный отпор ругателям русского народа, таким, как „господин Миллер“, подтверждены были историко-археологическими исследованиями не только в прошлом веке, но еще более — в наше, советское время. Многие из высших представителей отечественной науки, слависты и эллинисты, принимают ныне сторону академика Васильевского в вопросе о соотношении античного (древнегреческого и римского) мира с древнерусским, ему современным. Назовем хотя бы следующие имена: Греков, Рыбаков, Тихомиров, Третьяков, Удальцов, Пассек. Историко-материальный анализ событий Гомеровской Греции, а в частности, событий Троянской войны дает нам право утверждать, что мы, русские, являемся не только „первонаследниками Эллады“, через посредство Византии, но и гораздо ранее возникновения самой Византии, мы, русские, а с нами вместе и славянство, были соучастниками, сотворцами великой Средиземноморской античной культуры. В свете историко-археологических и лингвистических исследований перед нами явно предстает единство и взаимодействие на протяжении тысячелетий Средиземноморского и Черноморского древнего мира [Югов 1972: 201—202].

Высказывание подобных мыслей — это следствие хрущевской «оттепели», которая имела двойственные последствия для языковой политики. Относительная либерализация разных сторон жизни поначалу смяг-

чила процесс русификации, начавшийся еще в 30-х гг. XX в., в результате чего языки союзных республик оказались на всей территории страны в привилегированном положении [Базиев, Исаев 1973: 221; Исаев 1982]. Однако все следствия общего «потепления», как считают Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин, были нейтрализованы активным утверждением марксистской традиции, которую Хрущев пытался «очистить» и «развить», при том что пропагандистское прикрытие этой политики оставалось. В 1958—1959-х гг. было вновь объявлено полное равенство всех языков в области образования [Вахтин, Головкин 2004: 183—184]. Такая непоследовательность была наследием всей «сталинской национальной политики», при которой на рубеже 20—30-х гг. борьба с «великодержавным шовинизмом» сначала сменялась борьбой с «буржуазным национализмом» [Ашнин, Алпатов 1994], а затем в общегосударственной политике интернационализм все более сменялся национализмом. Постепенно восстанавливались дореволюционные традиции, и закономерно происходила смена языковой политики во второй половине 1930-х гг. А в 1945 г. выходит работа акад. В. В. Виноградова «Великий русский язык», в которой пересказываются идеи славянофилов и панславистов. При этом заканчивается книга цитатой не из Ленина или Сталина, а из И. С. Аксакова. Как видим, у словосочетания «русский язык» появлялись ценностные коннотации внутри сменяющих друг друга в истории России идеологических систем: он интерпретировался как «великий и могучий язык», «язык революционных идей», «язык, на котором говорит значительная часть населения земного шара», т. е. всегда были попытки согласовать интерпретации русского языка с той языковой политикой, которую проводило государство [Брагина 2007: 345—353].

Так как в нашей статье идет речь об историческом аспекте функционирования криптофилологического нарратива, то логично будет обратиться к иному источнику — акад. Н. С. Державину и его книге «Происхождение русского народа», изданной в 1944 г. Вначале — небольшая цитата: ...*Есть все основания рассматривать нашего диллювиального человека и его культуру на территории, начиная на западе от Моравии и кончая на востоке средним Приднепровьем и далее — поречьем р. Десны и р. Доном, как древнейшего предка позднейшего славянского населения той же территории, культурно смыкавшейся со Средиземноморьем и составлявшей северо-восточную часть средиземноморской культурной об-*

ласты. Это заключение подтверждается материалами археологических раскопок, доказывающими непрерывность населения на данной территории, начиная с эпохи верхнего палеолита и вплоть до эпохи железа, когда на исторической сцене, по данным письменных источников, здесь впервые выступают славяне. <...> Более поздний период в истории населения нашего юго-запада представляет собой так называемая „Трипольская культура“, приблизительно датированная тремя тысячелетиями до нашей эры. Эта культура замечательна не только своими памятниками, характеризующими сравнительно высокий уровень развития местного населения. Она замечательна также тем, что общностью типа своих вещевых памятников и вскрываемого на их основе социального строя теснейшим образом связывает наш Дунайско-Днестро-Бугско-Днепровский район не только с территорией нынешней Румынии и Венгрии, но и далее — с Балканским полуостровом, с Фессалией и древнейшими культурными центрами Средиземноморья — с Микенами и Критом, а на востоке — с Малой Азией. Это дает основание нашим археологам характеризовать „Трипольскую культуру“ как домикенскую. Киевский археолог В. В. Хвойка, которому принадлежит заслуга открытия в конце XIX в. на Поднепровье памятников „Триполья“, тогда же пришел к заключению, что носителем этой культуры был оседлый земледельческий народ и что именно в нем можно видеть только наших предков праславян (или протославян), предшествовавших и переживших в нашей местности все известные доселе передвижения и нашествия других иноземных племен, потомки которых удержали в своем владении край предков до настоящего времени. В своих археологических работах В. В. Хвойка вообще неизменно подчеркивал, что народ — носитель и строитель „Трипольской культуры“, занимавший громадное пространство и оставивший на всем его протяжении бесчисленные памятники своего постоянного пребывания от неолитических времен до IV века н.э. и далее, очевидно, не мог исчезнуть бесследно или быть заменен каким-либо другим и что, следовательно, в течение своей долгой исторической жизни он был постоянным насельником данной территории. <...> Начиная приблизительно с VIII в. до н.э. и вплоть до II в. н.э., на территории современного украинского народа СССР живет группа племен, известная у древних авторов под общим названием скифы и именуемая самих себя

сколотами. В этом последнем племенном термине Н. Я. Марр, как известно, видел протооснову термина скловен, рассматривая его основу „сколо-“ как стяженную форму основы „сколо“. Скифская проблема — это огромная проблема в смысле своего материала. Но она огромна и в смысле своего значения для разрешения вопроса о происхождении русских славян. Без учета кимерско-скифского материала нельзя даже подходить к проблеме происхождения русских славян, потому что камеры и скифы продолжают жить до наших дней в русском, украинском и белорусском языках настолько значительным культурным вкладом, что Н. Я. Марр имел все основания утверждать, что „славянский, понимаемый палеонтологически, есть скифский, вернее — кимерский“. <...> Мысль о том, что западные, оседлые, земледельческие скифы были славянами, в свое время усердно, на основании веских доводов поддерживалась одним из лучших знатоков скифских древностей, русским историком акад. А. С. Лаппо-Данилевским (1887 г.). <...> В халдском клинописном языке языческой Армении на Ванском озере в Малой Азии, относящемся к IX—VII вв. до н.э., т. е. к тому же времени, о котором идет у нас сейчас речь, когда мы говорим о скифах, имеется, до показанию Н. Я. Марра, между прочим, слово *ri* — камень, которое в усеченной форме *ri-* присутствует у халдов же в составе слова *kar-ri*, чаще *kar-i* — камень. Первая же часть этого слова в халдском оформлении значит крепость, замок. Такого же происхождения и русское кремль. Вторая составная часть племенного наименования сармат — сармар отложилась в черемисском мар в значении человек, муж и т. п. По мнению некоторых исследователей, название народа меря есть славянское изменение слова мари [Державин 1944: 10—16].

Как видим, теоретической основой концепции Н. С. Державина было «новое учение о языке» Н. Я. Марра, зародившееся в конце XIX в. и окончательно оформившееся в 20-х гг. XX в. Мы вновь получаем пример непоследовательности языковой политики. Предложенная Н. Я. Марром теория первоначально соответствовала идеологии интернационализма с ее прогнозом будущего «слияния наций». Чуть позже советская славистика была обвинена в «реакционном панславизме», а национальные историки (украинские, белорусские) получили ярлык «буржуазных националистов». Но потребность государства в продолжении разработки славянской тематики привела к восстановлению славистических научно-исследо-

вательских структур. И это было вопросом в первую очередь политическим: речь должна была идти об этногенезе «великого русского народа». Это было своего рода возвращение к дореволюционной историографической традиции, которая говорила об удревнении, а тем самым об утверждении исторических корней и единства собственно российского народа, и в целом соответствовала общей идеологической концепции возрождения российской национальной идеологии. Наряду с этим приветствовались идеи панславизма, или идеология славянского единства. Современный исследователь А. М. Дубровский называет Н. С. Державина «старым панславистом», поскольку идеи общеславянских единства тот проводил еще в дореволюционных своих публикациях [Дубровский 2000: 20]. Но нужно отметить, что идеи панславизма в 1930-х гг. становятся и государственной идеологией в связи с необходимостью (а таковая была прямо определена на XVII съезде ВКП(б)) противостояния нацистской идеологии пангерманизма. Историки и языковеды были нацелены партией на показ высокого уровня социально-культурного развития славянских племен и народов в древнейший период истории. Именно поэтому предками «русского народа» Н. С. Державин-историк (вслед за Н. Я. Марром-языковедом) называл киммерийцев, скифов, сарматов, находившихся на яфетической стадии развития. Особое место отводилось в этногенезе славян трипольской культуре III тыс. до н. э., которую связывали с протославянами: начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века в юго-западной части территории Советского Союза жил один и тот же в основном ядре народ. Это мнение стало догматическим и до сих пор составляет ядро неоязыческой лингвоисторической концепции [Кавыкин 2006].

Как видим, языковая политика, проводимая в стране, и до начала XX в. не была вполне последовательной, она менялась со временем. Несмотря на это, она оставалась точкой отсчета при проведении языковой политики после революции 1917 г.: в 20-х гг. и в первой половине 30-х гг. от нее пытались отталкиваться, позже ее пытались до какой-то степени возрождать. Поясним, о чем идет речь: общая политика царского правительства, ее содержание состояло в поддержке и развитии господствующей роли государственного языка. То, что этим языком оказался русский, сложилось исторически. В XIX в. жесткая ассимиляторская политика совмещалась с наличием довольно большого числа носителей языков меньшинств и для многих — с развитым национальным

самосознанием. Неудовлетворенность потребности идентичности была проблемой. Распространение принципа равноправия народов на языковую сферу находило поддержку не только среди национальных движений, но и среди русской оппозиции разного толка — от либералов до революционеров. Взгляды оппозиционеров различались степенью радикальности, но было у них и нечто общее. Все они, как пишет В. М. Алпатов, «были против ассимиляции и привилегий для русского языка» [Алпатов 2000: 29—30]. Совсем не удивительно, что именно эта непоследовательность обусловила тенденции российского «патриотического языкознания», возникшего на фоне европейского языкознания XVII—XVIII вв., которые отразились в удревнении русской истории, чему сопутствовало и удревнение русского языка, возводимого к праисточкам европейской цивилизации. Напомним, что создание словаря «первообразных» слов планировал еще М. В. Ломоносов. В 1742 г. в Академию наук был представлен «Лексикон» Кирияка Кондратовича и «Реэстр российских слов» А. И. Богданова. В 1759 г. А. П. Сумароков публикует статью «О коренных словах русского языка». Об архаизирующих тенденциях как реакции на языковую политику государства можно судить по анонимному «Начертанию о российских сочинениях и русском языке» 1783 г., по речам Ипполита Богдановича и, конечно же, по трудам А. С. Шишкова. Все работы патриотически настроенных филологов XVIII—XIX вв. были обусловлены также тем, что основными языками, определяющими сферу культурной коммуникации в российском обществе, вплоть до середины XIX в. служили французский и немецкий [Базылев 2012а; Богданов 2006; Живов 1996; Сандомирская 2001].

Не следует полагать, что мы — это лингвокультурный уникум в своих поисках. Наоборот, это общее следствие поиска национальной идентичности, и начался он не в XX в. и не в России. Вряд ли стоит говорить о подражании, бездумном заимствовании, прямом влиянии вплоть до идеологической интервенции. Скорее следует усматривать типологические параллели. Это еще одно перспективное направление исследований, которое было продолжено у нас — вслед за европейскими лингвистами — работами Вяч. Вс. Иванова и В. Г. Красильниковой [Иванов 1994: 1068; Красильникова 2011]. Европейские лингвисты также заинтересовались феноменом, который именуется нами криптофилологией. Произошло это в 80—90-х гг. XX в. и связано с именами У. Эко и Л. Полякова. У. Эко, например, счи-

тает, что источником подобных, как он их именует, «националистических теорий», стал труд Джованни Анниа 1498 г., в котором повествуется, как в Этрурии еще до греков поселились Ной и его потомки. Мысль о том, что тосканский язык произошел от этрусского и тем самым от арамейского, на котором говорил Ной, развивал во Флоренции Джован Баттиста Джелли в XVI в. Данная мысль воодушевила Гийома Постеля, который признавал происхождение кельтов от потомков Ноя. А Горопий ван Бекан поддерживал в том же XVI в. идею о первоизданном языке, в котором существует мотивированная связь между словами и предметами, и находил эту связь яснее всего выраженной в голландском языке, точнее, в антверпенском диалекте. Именно тогда этимологический метод Бекана вызвал к жизни термин «беканизм», или «горопизм», обозначающий явление, которое в современной России на материале русского языка так плодотворно исследуется Д. Ю. Полиниченко. Впрочем, одно дело доказывать, что какой-то конкретный национальный язык благороден, поскольку происходит от первоначального языка, будь то язык Адама или Ноя, и совсем другое — утверждать на тех же самых основаниях, будто это и есть единственный и совершенный язык. До такой крайности, по мнению У. Эко, в западноевропейской истории впервые дошли ирландские грамматисты. А до XIX в. дожила так называемая фламандская теория, описанная Л. Поляковым, в которой утверждается, что «фламандский язык — единственный, на котором говорило человечество в своей колыбели и что один только он и может называться языком, а все остальные, мертвые и живые, не более чем диалекты или жаргоны, более или менее закамouflированные» [Poliakov 1990: 9]. Рядом с голландско-фламандской теорией существуют шведская, основанная на том, что якобы именно в Швеции поселился Иафет со всеми своими потомками и из этой колыбели народов и языков произошли все остальные: «...у Олафа Рудбекия в его труде под названием „Atlantica“ говорится, что греческие буквы произошли от рун и что рун — перевернутые финикийские буквы, из которых Кадм устроил алфавит, подобный еврейскому, означающий те же самые буквы; греки же их наконец выправили и вычертили по линейке и циркулю; а поскольку изобретатель рун среди готов звался Меркуроман, то, значит, Меркурий, что изобрел буквы у египтян, был готом» [Эко 2007: 104]. Многократно повторяющиеся догадки о праве первородства немецкого языка тревожат германский мир с XIV в. По мнению М. Фауста,

«они появляются постоянно именно потому, что германский протестантский мир рвется защищать немецкий как язык, на который Лютер перевел Библию. Кроме того, такого рода притязания должны рассматриваться в контексте политической раздробленности, последовавшей за Тридцатилетней войной. Поскольку немецкий язык оказался одним из самых важных факторов объединения нации, его значимость следовало подчеркивать, а сам язык — освобождать от иностранных влияний» [Faust 1981: 366]. Естественно, у британцев защита кельтского языка, в противовес германской традиции, приобретет совсем иные коннотации. Так, Роулэнд Джонс станет утверждать, что первоначальным языком был кельтский и что «никакой другой язык, кроме английского, не может так же приблизиться к первому универсальному языку, к его природной точности и соответствию между словами и предметами, в той самой форме и манере, в какой мы его представили, как универсальный язык. Английский язык есть мать всех европейских диалектов, включая греческий; старший брат восточных языков и, в нынешней своей форме, живой язык обитателей Атлантики и аборигенов Италии, Галлии и Британии, давший римлянам все те их слова, которые не заимствованы из греческого, и их грамматические имена, а также и многие основные имена многих частей земного шара» [Droixhe 1978: 47]. Можно согласиться с У. Эко относительно общности данных примеров в том, что «националистические гипотезы характерны для XVII и XVIII вв., когда окончательно формируются крупные европейские государства и встает вопрос о главенствующей роли на континенте. Эти громкие притязания на первоизданность рождаются уже не из стремления к религиозному согласию, но из гораздо более конкретных государственных соображений, в чем их авторы более или менее отдают себе отчет» [Эко 2007: 107—108].

Таким образом, всегда и везде происходит то, что Дж. Фишман назовет «трагедией утраты языка и комедией зацикливания на бесполезных языках, <...> когда народы, которым угрожает утрата своего исторического языка и традиционной связанной с ним этнокультуры, испытывают на себе мучительный опыт пребывания между жизнью и смертью. Им угрожает утрата сложившихся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле» [Фишман 2005: 120]. Поскольку в повседневной практике культура скорее иррацио-

нальна, нежели рациональна (как об этом пишут В. Н. Телия и В. В. Красных), то именно на этом фоне происходит формирование и функционирование этногенетических нарративов, содержанием которых является вненаучное знание о национальном (этническом) само-со-знании и само-осо-знании [Базылев 2012г; Бахтикиреева 2012; Красных 2012]. Начинаются парабиблейские и археографические изыскания, ищутся и находятся этноязыковые ключи, творятся лингвокультурные герои, формируется вера и скепсис в отношении лингвовременного и лингвопространственного измерения нарратива, идут процессы его прагматизации и политизации. Нужно согласиться с С. Ю. Даниловым [Данилов 2003: 507—508] — теоретические обоснования и здравый смысл идут здесь рука об руку: «Разве что-то в языке появляется ниоткуда? Разве что-то в языке исчезает в никуда? Разве когнитивные структуры подчинены той или иной политической власти, чтобы измениться в одночасье <...>? Ответы очевидны, но важно не только сказать „нет“, но и обозначить пути в изучении проблемы, <...> проанализировать то запустение, которое, по образному выражению А. Потебни, воцаряется на месте вытесняемых форм сознания и „занимает это место до тех пор, пока вытесняющий язык не станет своим“» [Данилов 2003: 507—508].

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Журнал «Славянское обозрение» — форма самоутверждения «русской теории»? // Русская теория 1920—30 годы : материалы 10-х Лотмановских чтений. — Москва : РГГУ, 2004. С. 81—103.
2. Акунин Б. История Российского государства. — М. : АСТ, 2013.
3. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 2000.
4. Алпатов В. М. Народная лингвистика в Японии и России // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. — СПб. : Ин-т лингвист. исследований РАН, 2012. С. 7—10.
5. Арцуруни А. А. И был един язык. Армянский язык на скрижалях истории. — М. : Менеджер, 2010.
6. Ассман Я. Культурная память. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
7. Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. — М. : Наследие, 1994.
8. Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация. — М. : Наука, 1973.
9. Базылев В. Н. Три источника и три составные части комментария // Текст и комментарий — 5 : сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Базылева, Ю. А. Сорокина. — М. : МАКС Пресс, 2007. С. 6—24.
10. Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «Великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 9—38.
11. Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «В начале было „Слово...“» // Политика и лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 9—25.
12. Базылев В. Н. Криптолингвистика. — М. : Изд-во СГУ, 2010а.
13. Базылев В. Н. Архаизирующий филолог XIX—XXI веков // Современное русское языкознание и лингводидактика : сб. науч. трудов, посвящ. 90-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского / под ред. В. В. Никульцева. — М. : Изд-во МГОУ, 2012. С. 436—443.
14. Базылев В. Н. Новый образ знания о языке как единство явных и неявных компонентов // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. — Саратов : Наука, 2012а. С. 84—88.
15. Базылев В. Н. Герменевтика и культурный статус художественного произведения: как воспринимать сегодня «Энциклопедию русской души» В. Ерофеева // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орёл : Орловский ГИИиК, 2012б. Вып. 10. С. 6—21.
16. Базылев В. Н. Этногенетические легенды как фактор самоидентификации этноса // Жизнь языка в культуре и социуме — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012в. С. 387—388.
17. Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. — М. : Наука, 1987.
18. Бахтикиреева У. М., Маркова Е. А. К вопросу о кризисе идентичности. Жизнь языка в культуре и социуме — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012. С. 391—392.
19. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правда и язык. — М. : Канон, 2008.
20. Богданов К. А. О крокодилах в России. — М. : Новое литературное обозрение, 2006.
21. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. — М. : Языки славянских культур, 2007.
22. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
23. Васильев А. Д. Российская языковая политика 1991—2005 гг. — Красноярск, 2008.
24. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. — СПб. : Гуманитарная академия, 2004.
25. Гачев Г. Ментальности народов мира. — М. : Эксмо, 2003.
26. Градовский А. Д. Национальный вопрос в истории и литературе. — М. : URSS, 2009.
27. Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Скопюк Т. Г. Основы антропологической лингвистики. — М. : Академия, 2008.
28. Гришаева Л. И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. — Воронеж : Воронеж. ГУ, 2007.
29. Гудков Д. Б., Скорородова Е. Ю. О русском языке и не только о нем. — М. : Гнозис, 2010.

30. Данилов С. Ю. Очаги напряжения и конкуренция идеологем // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — Екатеринбург : Урал. ГУ, 2003. С. 507—525.
31. Демин В. М. От ариев к русичам. — М. : Русская правда, 1998.
32. Державин Н. С. Происхождение русского народа. — М. : Советская наука, 1944.
33. Добродомов И. Г. Еще раз об исторической памяти в языке // *Вопросы языкознания*. 2002. № 2. С. 103—109.
34. Дубровский А. М. «Весь славянский мир должен объединиться»: идея славянского единства в идеологии ВКП(б) в 1930—1940-х годах // *Проблемы славяноведения* : сб. науч. ст. — Брянск : Брян. ГУ, 2000. Вып. 1. С. 20—32.
35. Ерофеев В. В. Лабиринт. — М. : Зебра Е, 2006.
36. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.
37. Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. — М. : Русский Мир, 2010.
38. Зачевский Е. А. Язык как способ национального самосознания // *Вопросы филологии*. 2002. № 8. С. 52—58.
39. Зверева И. Г. Реальность и исторический нарратив // *Одиссей*. 1996. № 1. С. 11—24.
40. Исаев М. И. Социо-лингвистические проблемы языков народов СССР. — М. : Высшая школа, 1982.
41. Кавыкин О. И. Конструирование этнической идентичности в среде русских неоязычников : дис. ... канд. ист. наук. — М., 2006.
42. Кантор К. М. История против прогресса. — М. : Наука, 1992.
43. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. — СПб. : РХГИ, 1998.
44. Климович К. К. Во власти символов. — М. : Русская правда, 2008.
45. Козлов В. П. Тайны фальсификации. — М. : Аспект Пресс, 1996.
46. Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. — М. : РОССПЭН, 2001.
47. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». — СПб. : Златоуст, 1999.
48. Корнилов Л. Аркаим. URL: http://litzona.net/show_3246.php.
49. Красильникова В. Г. Псевдолингвистика // *Сублогический анализ языка* : юбилейный сб. науч. тр. — М. : Изд-во СГУ, 2011. С. 295—300.
50. Красных В. В. Место и роль культуры и лингвокультуры в культурной идентификации и самоидентификации // *Жизнь языка в культуре и социуме* — 3 : материалы Междунар. науч. конф. — М. : РУДН, 2012. С. 10—14.
51. Лаппо М. А. Семантика самоидентификации в когнитивно-дискурсивном аспекте // *Сибирский филологический журн*. 2010. № 4. С. 200—207.
52. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. — М. : ИГПИ, 2010.
53. Мединский В. Р. О том, кто и когда сочинял мифы о России. — М. : Олма Медиа Групп, 2010.
54. Мельников А. С. Картина славянского мира: этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. — СПб. : Петербургское востоковедение, 1996.
55. Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // *Язык и личность* : сб. науч. ст. / отв. ред. акад. Д. Н. Шмелев. — М. : Наука, 1989. С. 34—40.
56. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. — М. : URSS, 2010.
57. Новиков В. И. Роман с языком. Три эссе. — М. : Аграф, 2001.
58. *Обыденное* метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. Д. Голев. — Кемерово: Кемеров. ГУ, 2012.
59. Полинченко Д. Ю. Политические мифологемы фолк-лингвистики // *Политическая лингвистика*. 2010. № 4 (34). С. 196—202.
60. Полинченко Д. Ю., Бурханова М. С. Любительские лингвистические концепции в современной России (на примере творчества М. Н. Задорнова) // *НВ. Филологические исследования*. 2013. № 2. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_693.html.
61. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья : сб. науч. ст. / под ред. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Наука, 1982.
62. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма : сб. науч. ст. / под ред. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Наука, 1989.
63. Рак В. А. История забытых цивилизаций. Фантазии на тему родной речи. — Иркутск : Фонд духовного наследия Сибири, 2010.
64. Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М. : Златоуст, 2003.
65. Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е. П. Чельшева. — М. : Азбуковник, 2010.
66. Сандомирская И. Книга о Родине // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband*. 2001. № 50.
67. Соколов М. Ю. Чуден Рейн при тихой погоде. Новые разыскания: поэтические воззрения славян на историю. — М. : Русская панорама, 2003.
68. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1997.
69. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: лингвистические исследования. — М. : Наука, 1991.
70. У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. — М. : Наука, 1987.
71. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос*. 2005. № 4 (49). С. 116—124.
72. Фурасов В. Д. Моделирование плохоформализуемых процессов. — М. : Academia, 1997.
73. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007.

74. Чернявская В. Е. Идеология и нетолерантность в научном дискурсе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. П. Котноровой. — Пермь : Перм. ГНИУ, 2012. Вып. 16. С. 62—70.
75. *Что думают* ученые о «Велесовой книге» / сост. А. А. Алексеев. — СПб. : Наука, 2004.
76. Чудинов В. А. Двести тысяч лет до нашей эры // Российская газета. 2008. № 130 (4687). 19 июня. С. 20—21.
77. Шайкенова Л. М. Рефлексивная лингвистика. — Алматы : Казак Университеті, 2009.
78. Штайн К. Э. «Глубокие истины» на службе филологии // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века : сб. ст. науч.-метод. семинара «ТЕХТУС». 2001. Вып. 6. С. 9—25.
79. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. — СПб. : Александрия, 2007.
80. Югов А. К. Родина Ахиллеса // Думы о русском слове / А. К. Югов. — М. : Советский писатель, 1972. С. 183—202.
81. *Язык* в контексте общественного развития : сб. ст. / под ред. В. М. Солнцева. — М. : ИЯ РАН, 1994.
82. *Языковые* проблемы Российской Федерации и законы о языках : сб. ст. / под ред. Т. Б. Крючковой. — М. : ИЯ РАН, 1994.
83. Якубовский А. А. Эра непрофессионалов // Театр времен Ельцина и Жириновского / А. А. Якубовский. — М. : РГГУ, 1997. С. 219—226.
84. Ямпольский М. Беспамятство как исток. — М. : Новое литературное обозрение, 1998.
85. Droixhe D. La linguistique et l'appel de l'histoire (1600—1800). — Genève : Droz, 1978.
86. Faust M. Schottelius' Concept of Word Formation // Logos semanticos. 1981. № 3. С. 359—370.
87. Fischer M. S. Komparatistische Imagologie: Für eine interdisziplinäre Erforschung national-imagotypischer Systeme // Zeitschrift für Sozialpsychologie. 1979. № 1.
88. Ivanov V. V. Pseudolinguistics // The Encyclopedia of Language and Linguistics. — Oxford : Pergamon Pr. Ltd., 1994.
89. Jovanović S. M. Retrolingvistika. — Helsinki : Krug, 2012.
90. *Les lieux de mémoire* / sous la direction de Pierre Nora. — Paris : Gallimard, 1986.
91. Poliakov L. Rêves d'origine et folie de grandeurs // Le genre humaine. 1990. № 3. P. 9—23.
92. *Rusky_Udod*. Бытовая криптолингвистика (введение в тему). 2006. 4 дек. URL: <http://www.obogev.net/udod99/24.html>.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов